

Р. С. Бобохонов

ЭВОЛЮЦИЯ ЭТНО-РЕГИОНАЛЬНЫХ КЛАНОВ В ТАДЖИКИСТАНЕ (XX В.)

Аннотация: В статье впервые предлагается подробный анализ основных причин возникновения и эволюция этно-региональных кланов в таджикском обществе (советского и постсоветского периода). В процессе исследования этой малоизученной проблемы автором были выявлены некоторые специфические моменты. С одной стороны, неразвитость государственных институтов и экономических структур у народов Центральной Азии на момент создания своих союзных республик в дальнейшем способствовала к возникновению клановых элементов во всех сферах их жизни. С другой стороны, эти клановые отношения могли не возникнуть в некоторых государствах Центральной Азии, особенно в Таджикистане, если при создании союзных республик этого региона большевиками были бы учтены основные этнокультурные и этногеографические факторы. В результате проведенное большевиками размежевание 1924 г. таджикам досталась лишь небольшая часть территории огромного «Исторического Таджикистана». Исторические центры тысячелетней культуры таджиков – Самарканд и Бухара и проживающих в них сотни тысяч таджиков, которые в дальнейшем могли стать ядром общегосударственной интеграции, оказались в Узбекистане. Небольшая Ходженская область с этой задачей не справилась и все советские годы не смогла интегрировать вокруг себя (в силу ряд географических, экономических и культурных причин) остальных групп таджикского народа. Таким образом, именно разобщенность, которой заложили большевики в ходе размежевания, стала главной причиной возникновения этно-региональных кланов в Таджикистане.

Ключевые слова: политология, таджикистан, эволюция, регион, клан, экономика, государство, управление, борьба, процесс.

После распада Советского Союза в некоторых республиках Центральной Азии началась активная политическая борьба за власть между различными кланами. Особенно явно это было продемонстрировано в ходе гражданской войны в Таджикистане (1992-1997 гг.). Отсюда – повышенный интерес в последнее время многих отечественных и зарубежных исследователей истории, экономики и культуры государств Центральной Азии к проблемам «клановой экономики», «клановой государственной структуры», «клановой политической борьбы» и т.д. В ходе детального изучения истории Таджикистана в XX веке нам удалось воссоздать примерную картину процесса возникновения и эволюции клановых отношений в этой республике.

Согласно одному из определений, русское слово «клан» (от кельтского *clan*) означает род или группу родственников, мини род, объединенный хозяйственными узами. Но в более широком современном смысле – это не только и столько родственники, а люди, солидарные между собой в решении различных проблем¹. Клановедение – это сфера смежных с историей социологических исследований. С одной стороны, она опирается на историю вообще и этнологию в частности, с другой – на политологию, конкретную социологию и демографию. В рамках клановедения политология изучает

патронимии элит; а в рамках демографии – влияние размеров и состава семьи на ее положение в клане, размеров клана на его положение в местном обществе; через этнологию – земляческие, родовые, этнические кланы; история изучает родословные (генеалогии) кланов². В данной работе изучается проблема этно-региональных кланов в таджикском обществе.

При исследовании этой малоизученной темы были выявлены некоторые специфические моменты. С одной стороны, неразвитость государственных институтов и экономических структур у народов Центральной Азии на момент создания своих союзных республик в дальнейшем способствовала к возникновению клановых элементов во всех сферах жизни. С другой стороны, эти клановые отношения могли не возникнуть в некоторых государствах Центральной Азии, особенно в Таджикистане, если бы при создании союзных республик этого региона большевиками были учтены основные этнокультурные и этногеографические факторы. Возможно, они их видели, но не захотели с ними считаться, чтобы «разделять и властвовать».

В ходе продвижения русских войск на территорию Центральной Азии в 1867 г. лишь северная часть Таджикистана вошла в состав Российской Империи³.

² Кадыров, 2009, с.3

³ Народы Средней Азии и Казахстана. – Т.1. – М., 1962. – С.103.

¹ Большой энциклопедический словарь, 2002, с.360

Остальные территории, населенные таджиками, под названием Восточная Бухара входили в состав Бухарского Ханства. До Октябрьской революции Бухарское Ханство находилось в вассальной зависимости от Российской Империи. Советская власть была установлена в северной части Таджикистана еще в феврале 1918 года в рамках Туркменской АССР. Остальные территории Таджикистана вошли в состав Бухарской НСР, которая была провозглашена в 1920 г. Лишь в 1924 г. была образована Таджикская АССР в составе Узбекской ССР. В 1929 г., когда была образована Таджикская ССР⁴, в ее состав так и не вошли Самаркандские, Бухарские и Ферганские области, населенные преимущественно этническими таджиками, оставшиеся частями Узбекистана.

В Бухарском Ханстве никогда не проводилась перепись населения. Только в 1914 г. по настоянию русских властей административным путем собрали сведения о численности населения, размерах посевных площадей и количестве скота. Подобная «перепись» была проведена и в 1917 г.⁵ Эти первичные переписные материалы были обнаружены в ходе экспедиции Комиссии по районированию Средней Азии в 1925-1926 гг. Члены комиссии тщательно анализировали сводки по бекствам в четырех списках. Эти списки не совпадали друг с другом. Они пришли к выводу, что «никакой переписи в 1917 г. не было, а был, вероятно, бюрократический опрос беков и амлякдаров»⁶. Поэтому данные Комиссии о численности населения, принадлежащего к той или иной этнической группе, имели приблизительный характер.

Историко-этнографическое изучение края началось задолго до прихода советской власти и охватывало два периода – 1868-1900 гг. и 1900-1918 гг. Первый период характеризуется записями, отчетами русских исследователей, которые проявили огромный научный интерес к неизвестной (в географическом и этнографическом плане) Центральной Азии с момента ее присоединения к России. Детально изучались города и сельские местности бывшего Туркестанского генерал-губернаторства. В экспедиционных работах принимали участие не только ученые энциклопедисты, которые преимущественно занимались вопросами географии, ботаники, зоологии, но и царские чиновники, военные топографы⁷ (это публи-

кации исследований, проведенных еще до 1900 г. – автор). Во второй период (1900-1918) исследователи-туркестановеды в большей степени занимались изучением истории, археологии и этнографии края. В ходе многочисленных научных экспедиций на всей территории Центральной Азии российскими учеными-туркестановедами были достаточно изучены проблемы истории, культуры, языка и территорий компактного проживания таджикского народа⁸. Однако на момент формирования Таджикской ССР к их мнению не прислушивались, их труды не были изучены в должной мере. В результате границы «Исторического Таджикистана» не были четко определены и зафиксированы.

Если рассуждать в перспективе «большого Таджикистана» (как его довольно нейтрально представляет Сергей Абашин⁹), или «исторического Таджикистана» (как его с явной идеологической подоплекой трактует Нугмон Негматов¹⁰), то его территория должна охватывать весь ареал проживания таджиков, то есть простираться от иранского Хорасана и северного Афганистана, включая территорию нынешнего Таджикистана и других стран Центральной Азии, вплоть до Китая. Негматов активно пользуется термином «маленький современный Таджикистан»; это выражение призвано фиксировать явный ущерб, нанесенный таджикскому народу при создании его нынешней государственности. Как отмечает Абашин, символическим свидетельством этой фрустрации стал памятник Сомони на центральной площади Душанбе с размещенной в его основании картой «большого Таджикистана», охватывающей перечисленные территории¹¹. Рахим Масов обвиняет так называемых «пантюркистов» в том, что они приписывают таджикам оскорбительные эпитеты – «от-

⁴ Там же, с. 104

⁵ Пославский Ю.И. Экономический очерк Таджикистана// Таджикистан (Сборник статей). – Ташкент, 1925, с. 179

⁶ Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 1: Территория и населения Бухары и Хорезма. – Ч. 1. – Ташкент, 1926. с. 152

⁷ См. Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане 1874-1889. С.-Петербург, 1889. -666 с., Липский В.И. Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию в 1896, 1897 и 1899 году. Ч. 2, Гиссарская экспедиция, 1896. – С.

– Петербург, Типо-литография «Герольда», 1902. Логофет Д.Н. Кулябское бекство//Туркестанские ведомости, №111, 1905., Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары (очерки Средней Азии). – С. – Петербург, 1913, Маев Н.А. Очерки Бухарского ханства, Гиссарского края и горных бекств: Материалы для статистики Туркестанского края. – Т.5. – СПб., 1879., Хорошхин А. Сб. статей, касающихся до Туркестанского края. – СПб, 1876. – С. 503 – 504.

⁸ См. Андреев М.С. Вахие. Туркестанские ведомости, 1899.- №93.-С.590., Бобринский А.А. Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара). - М., 1900, Семенов А.А. Этнографические очерки Заравшанских гор, Каратегина и Дарваза. – М., 1903. – 123с.

⁹ Абашин С. Национализмы в Средней Азии: истоки и особенности//Свободная мысль. 2007. №7. - С.138-149

¹⁰ Негматов Н. Таджики. Исторический Таджикистан. Современный Таджикистан. -Гиссар, 1992.

¹¹ Абашин С. Национализмы в Средней Азии: истоки и особенности//Свободная мысль. 2007. №7. - С.147

сталый”, “невежественный”, “дикарь»¹². Пантюркисты, по мнению ряда таджикских историков, целенаправленно отрицают существование таджикского народа, считая его “иранизированной тюркской дробью»¹³.

Объединившаяся вокруг Масова группа ученых выступает с обвинениями в “предательстве” в адрес тех таджиков, в паспортах которых проставлена национальность “узбек”. Подобные мотивы звучат, например, в публикациях о становлении советского Таджикистана в 1920-е годы, где к числу предателей-таджиков причисляются бывшие представители джаидов, в частности Файзулла Ходжаев и Абду Кадыр Мухитдинов, а также Чинор Имамов, делегат таджиков в территориальной комиссии Средазбюро¹⁴. Именно эти представители “обузбеченных таджиков” и приверженцев “пантюркизма”, а позже “панузбекизма”, по мнению таджикских историков, не позволили в 1924 году таджикам полноправно обсуждать вопросы самоопределения Таджикистана в рамках территориального размежевания¹⁵. Как пишет Масов, “в период нашей новейшей истории у нас отняли, с помощью наших же отуреченных таджиков-карьеристов, исконную территорию, культурные центры»¹⁶. Этот историк обличает также и многих сегодняшних таджикизированных узбеков, которые “вредят” интересам таджикского языка в Узбекистане¹⁷.

В окончательном географическом варианте (с 1929 г.) Таджикистан стал горной страной (93% ее территории составляла горная местность). Основные экономически развитые области, такие как Самаркандская, Бухарская и Ферганская, на территории которых преобладало таджикское население, как уже отмечалось, отошли Узбекистану. Ходжентская (позже Ленинабадская) область в географическом плане практически оторвалась от основной части республики, поскольку единственной связующей артерией между ними была труднопроходимая горная дорога, не функционирующая в зимнее время года. Основные транспортные магистрали, связывающие область с остальной республикой, растягивались на тысячи километров, поскольку т.к. проходили через территорию Узбекистана.

¹² Масов Р. «Наследие» мангытской власти, или почему академик Масов не согласен с академиком Шукуровым [рукопись]. - Душанбе, 2002

¹³ Масов Р. Таджики: история с грифом «Совершенно секретно». - Душанбе: Цент издания культурного наследия, 1995

¹⁴ Там же, с. 356-357,368

¹⁵ Там же, с. 365-366.

¹⁶ Масов Р. «Наследие» мангытской власти, или почему академик Масов не согласен с академиком Шукуровым [рукопись]. - Душанбе, 2002, с.7-8

¹⁷ С.8-9

В советское время историко-этнографическое изучение таджикского народа продвинулось дальше [Беленицкий, 1948; Беленицкий, 1950; Кармышева, 1976; Кисляков, 1954; Кисляков, 1959; Кисляков, 1966; Маслова, 1962; Маслова, 1971; Моногарова, 1959; Мухиддинов, 1975; Мухиддинов, 1984; Пещерева, 1954; Писарчик, Кармышева, 1953; Широкова, 1976; Юсупов, 1964; Юсуфбекова, 1987 и т.д.]. В этих и других трудах по истории и этнографии Таджикистана советские исследователи культуры лишь косвенно затрагивали проблему «границ Исторического Таджикистана». В постсоветский период некоторые российские историки вновь возвращаются к проблеме создания союзных национальных республик на территории Центральной Азии после Октябрьской революции. Например, В.В. Карлов¹⁸ пишет, что «некоторые автономии в составе РСФСР сыграли по существу подготовительную роль для создания союзной государственности. Это, прежде всего, относится к Туркестанской АССР, из которой также, как из Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республик, в ходе национально-государственного размежевания выделились сначала Узбекская и Туркменская союзные республики(1924), а затем выделилась из Узбекской и вошла в СССР Таджикская (в 1925-1929 гг. существовала как АССР)». Далее автор подчеркивает, что «о степени зрелости предпосылок союзной государственности у трех этих среднеазиатских народов (в 1924-1929 гг.) говорит довольно сложно. Можно лишь отметить ограниченный уровень охвата населения профессиональной национальной культурой (не смотря на ее древние корни и традиции), неразвитость экономики не только в смысле отсутствия индустрии, но и в смысле дифференциации деятельности, разделения труда, товарообмена, сохранивших многие доиндустриальные черты». Поэтому в условиях Средней Азии, заключает исследователь, «суверенитет союзной республики в сочетании с классовым содержанием власти Советов должен был осуществить, прежде всего, насущные демократические преобразования, устраняя формы и виды классового неравенства и эксплуатации, создавая наиболее благоприятные условия для приобщения народа к управлению по мере его приобщения к культуре, внедрения ее профессиональных форм, прежде всего грамотности»¹⁹.

Со многими выводами В.В. Карлова можно согласиться, когда речь идет о формировании государствен-

¹⁸ Карлов В.В. Введение в этнографию народов СССР: (стадиальные закономерности и локально-исторические особенности этнокультурных процессов). 1920-1980 гг. Ч.2. Учебное пособие. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. – с. 66

¹⁹ Там же

ной организации на базе различных племенных структур туркмен, казахов, киргизов и части узбеков-кочевников (каракалпакцев). Забегая вперед, нужно отметить, что в этих республиках в пост советское время наблюдается процесс возрождения родоплеменных (клановых) структур в общественно-политической жизни. Что же касается формирования государства у таджиков, то здесь с В.В. Карловым трудно согласиться по многим вопросам.

Во-первых, таджики формировались как народ еще в IX-X вв. в рамках средневекового государства Саманидов [Бартольд, 1963(1), с. 281-285; Бартольд, 1963(2), с. 2; Гафуров, 1972, с. 332-347; Давидович, 1954, с. 78-79; Семенов, 1954, с. 3]. В состав этого государства в тот период, помимо некоторых северных районов Ирана, большей части Афганистана и Восточной Бухары (нынешней территории Таджикистана), также входили Самаркандские, Бухарские, Ферганские области. Как отмечалось выше, эти области на момент прихода советской власти были заселены преимущественно этническими таджиками. Эти пограничные территории вместе с землями Ходжентской области составляли единое этногеографическое пространство, где проживало этническое ядро таджикского народа. Именно эти области определяют основную часть границ «Исторического Таджикистана».

Во-вторых, многие территории, заселенные таджиками на протяженных многих веков, с 1867 года (как было отмечено выше) были присоединены к Российской империи. Степень развитости капиталистических (и вообще производственных) отношений была примерно на одном уровне с южными регионами Российской империи. Поэтому экономически относительно развитые районы «Исторического Таджикистана» в дальнейшем могли подтянуть на свой уровень остальные горные районы Восточной Бухары в процессе обще таджикской этнокультурной и экономической интеграции.

В-третьих, вследствие непродуманной большевистской национальной политики огромная часть таджикского народа оказалась без национального государства. В результате этой политики миллионы таджиков даже не получили никакой автономии в рамках Узбекской ССР. Более того, все советские годы в Узбекистане проводилась скрытая принудительная «узбекизация» таджикского народа²⁰.

В-четвертых, создание Таджикской ССР на территории Восточной Бухары и присоединение к ней Ходжентской области не изменило коренным образом этнополитическую ситуацию – не способствовало фор-

мированию единой таджикской нации. Ходжентская этно-региональная группа таджикского народа все советские годы не могла интегрировать остальные этно-региональные группы. Более того, на ее базе формировался первый – ходжентский – этно-региональный клан, который контролировал власть во всей республике все советские годы. На базе других этно-региональных групп таджикского народа также постепенно формировались другие этно-региональные кланы.

С.П. Поляков, затрагивая проблему этногенеза, языка и культуры таджикского народа на момент создания Таджикской ССР, утверждает, что в Центральной Азии «после монгольского нашествия проникновение тюркских языков в оазисы продолжалось и уже к XVII в. тюркские языки преобладали во всех районах, исключая Таджикистан и большие города (Бухара, Самарканд и др.), где население говорило преимущественно на таджикском языке»²¹. Подчеркивая важность послемонгольского периода в этнической истории народов Средней Азии и Казахстана, С.П. Поляков далее отмечает, «что в это время оформились в отдельные этносы современные местные народы – таджики, узбеки, туркмены, каракалпаки, казахи, киргизы и уйгуры». «Таджикоязычное население после монгольского периода, – пишет далее тот же автор, – группировалось вокруг крупных экономических центров – Бухары, Самарканда, Ходжента, Куляба отдаленных друг от друга или труднопроходимыми горами, или безводными степями и пустынями. Это нашло отражение в существовании среди таджиков нескольких этнографических групп, различавшихся по уровню хозяйственного и культурного развития. Заметны эти различия в традиционной материальной культуре и сегодня»²². В результате им подчеркивается, что «одновременно с процессом консолидации шел и процесс расселения таджиков и освоения ими новых земель, что в немалой степени способствовало тюркизации оторвавшегося от основных массивов таджикского населения. В свою очередь, расселяясь в горных местностях, таджики передавали свой язык и элементы культуры небольшим по численности группам восточно-иранского (по языку) населения – ягнобцам, ваханцам, ишкашимцам, язгулемцам, шугнанцам и другим, которых называют сейчас припамирскими таджиками»²³.

С некоторыми выводами С.П. Полякова также трудно согласиться. Во-первых, все области компактного проживания таджикского населения до созда-

²¹ Поляков С.П. Народы Центральной Азии // Этнология (учебник для ВУЗ под ред. Г.Е. Маркова и В.В. Пименова). – М., Наука, 1994. – С.346-360

²² Там же

²³ Там же

²⁰ Масов Р. Таджики: вытеснение и ассимиляция. – Душанбе: Ирфон, 2003., с. 84.

ния первых союзных республик в Центральной Азии непосредственно граничили друг с другом. Торгово-экономические и культурные связи между таджиками в пределах границ «Исторического Таджикистана» непрерывно существовали всегда. Географические препятствия между основных оазисов (Бухарские, Самаркандские, Ферганские и Ходжентские) и других районов (бекств) Восточной Бухары (Гиссарское, Денаусское, Байсунское, Шерабадское, Кабадианское, Бальджуанское и Кулябское²⁴ были незначительными. Исключение составляло лишь труднодоступные районы Бадахшанской области. При наличии союзной таджикской республики в пределах границ «Исторического Таджикистана» и общий процесс внутритаджикской интеграции незначительные этнокультурные различия среди различных этнорегиональных групп таджикского народа растворились бы в единое целое. В реальности, как мы неоднократно повторили выше, вследствие непродуманной большевистской политики в советское время эти незначительные этнокультурные различия между различными группами таджикского народа вовсе не исчезли, а наоборот привели к созданию нескольких этно-региональных кланов.

Во-вторых, «тюркизация» основной массы таджиков (самаркандских, бухарских, ферганских, кокандских и др.), как мы упомянули выше, происходила и происходит до сих пор (в советское и пост советское время), вследствие национальной политики Узбекистана²⁵.

В-третьих, в ходе проходивших в несколько этапов принудительных миграций в Таджикистане горных таджиков расселяли в долине на новых хлопковых плантациях. На протяжении всей советской истории обратного расселения таджиков из долины в горы не происходило. Поэтому из других регионов таджики некогда не расселялись на Памире (как утверждает С.П. Поляков), а в обще таджикскую языковую интеграцию памирские таджики включились лишь в связи с введением обязательного преподавания современного литературного таджикского языка в средних школах.

К моменту создания Таджикской ССР (1929) кроме ходжентских таджиков, которые проживали в Ходжентской области, на остальных территориях республики – в горах, а также на отдельных пограничных территориях компактно проживали следующие этнические группы таджикского народа: кулябские таджики в Кулябской области, гармские таджики в Каратегинской

долине и памирские таджики в Горно-Бадахшанской области.

Таким образом, на момент создания основных институтов советской государственной власти таджикское общество состояло из 4-х основных этнических групп: ходжентские, кулябские, гармские и памирские таджики. Об основных этнокультурных различиях этих групп в историко-этнографической науке написано много [Андреев, 1899; 1924; 1927; 1953; 1958; 1970; Арандаренко, 1889; Бобринский, 1900; Бобринский, 1908; Брискин, 1930; Гинзбург, 1937; Давыдов, 1973; Данскер, 1965; Ершов, 1970; 1984; 1985; Зайцев, 1904; Зарубин, 1917; Кармышева, 1976; Кисляков, 1939; 1948; 1951; 1953; 1954; 1959; 1960; 1966; Липский, 1902; Логофет, 1905; 1913; Маев, 1879; Моногарова, 1959; 1975; 1983; Муродов, 1979; Мухиддинов, 1984; 1985; Нурджанов, 1976; Пещерева, 1927; 1947; 1976; Писарчик, 1949; 1970; 1976; Рахимов, 1956; 1957; 1959; 1963; Розенфельд, 1959; 1970; 1974; Семенов, 1903; Снесарев, 1904; Троицкая, 1971; Хамиджанова, 1985; Широкова, 1976; Юсуфбекова, 1987 и т.д.]. По всем этнокультурным параметрам памирские таджики в большей степени отличаются от других.

В первые годы советской власти на территории Таджикистана большевиками были допущены другие серьезные ошибки. При разработке и проведении национальной кадровой политики не были учтены следующие моменты:

Основные учебные заведения по подготовке специализированных кадров для государственных институтов будущей власти Таджикистана находились на территории Узбекистана в Самарканде и Бухары (преимущественно населенными таджиками). При подборе и подготовке кадров большевики не учли интересы всех четырех основных этнических групп таджиков. На курсы в учебные заведения Узбекистана были направлены в основном ходжентские таджики. Почему? На мой взгляд, основных причин, объясняющих действия большевиков в ходе проведения национальной кадровой политики в данной ситуации, три: экономическая, социальная и географическая. С точки зрения экономики было не целесообразно искать учеников в труднодоступных районах, в условиях горной местности, бездорожья, поголовной безграмотности населения и направлять их на учебу в Узбекистан. Будущих учеников необходимо было набрать среди социально-активной части населения в городах, больших населенных пунктах на промышленных или кустарных предприятиях, которые отсутствовали в горной части республики. Как было отмечено выше, Ходжентская область с давних времен находилась в очень близких экономических и культурных связях с промышленно развитыми Самаркандской, Бухарской и

²⁴ Народы Средней Азии и Казахстана. – Т.1. – М., 1962. – С.106.

²⁵ См, Негматов Н. Таджики. Исторический Таджикистан. Современный Таджикистан. -Гиссар, 1992., Масов Р. Таджики: вытеснение и ассимиляция. - Душанбе: Ирфон, 2003.

Ферганской областями, населенными преимущественно этническими таджиками.

Во многих крупных среднеазиатских городах еще до прихода советской власти существовали и функционировали местные ячейки партийной организации большевиков. Среди членов этих организаций было много рабочих - выходцев из ходжентской этнической группы таджикского народа²⁶. При создании государственной власти во всех регионах большевики, прежде всего, использовали свои собственные кадры. Эти кадры и назначались на руководящие посты по всей вертикали власти. Недостающие кадры выбирали и обучали по рекомендации членов местной партийной организации. Таким образом, с самого начала на все руководящие должности в институтах государственной власти Таджикистана, как в центрах, так и на местах были назначены представители ходжентской этнической группы.

В 30-е годы ходжентские педагоги принимали активное участие в ликвидации неграмотности на всей территории Таджикистана. Среди педагогов было много женщин. В самые отдаленные районы республики были направлены первые квалифицированные кадры ходжентского происхождения. Это были агрономы, зоотехники, инженеры, врачи, механизаторы и т.д. Они являлись первыми выпускниками учебных заведений, которые уже функционировали к этому времени в Ходжентской области. Новые ходжентские кадры активно вступали в местные партийные организации, которые в дальнейшем обеспечивали им начало стремительной карьеры во всех структурах власти. Советская государственная власть строилась и контролировалась строго по партийному принципу. Народные советы, как органы исполнительной власти, подчинялись партийным органам, как в центре, так и на местах. К концу 30-х гг. в Таджикистане первыми секретарями первичных, районных, поселковых, городских, областных и центрального комитета коммунистической партии назначались представители ходжентской этнической группы. Вторыми секретарями, как правило, назначались русские. Среди третьих секретарей также было много выходцев из ходжентской области. На выборах в народные советы всех уровней выдвигались и избирались в основном ходжентцы. Таким образом, в начале 40-х гг. в республике вся государственная власть сосредоточилась в руках только одной этнической группы. Ходжентский этно-региональный клан пришел к власти без особых усилий в условиях полного отсутствия конкурентной борьбы со стороны остальных этнических групп.

В 50-е годы этнополитическая ситуация в республике изменилась. Власть проводила жесткую принудительную миграционную политику в горных районах республики с целью переброски трудовых ресурсов на равнинную часть, где шел процесс освоения новых площадей под хлопок²⁷. Принудительная миграция горных кулябских и ходжентских таджиков проводилась в рамках области их компактного проживания. Этническая ситуация в республике изменилась вследствие принудительной миграции гармских таджиков Каратегинской долины. В результате этой масштабной миграции была создана новая Кургантюбинская область на юге республики, преимущественно заселенная гармскими таджиками. Именно здесь в конце 50-х и начале 60-х гг. возникли предпосылки для формирования нового этно-регионального клана. Гармский этно-региональный клан возник совершенно в других условиях, нежели ходжентский, и процесс его формирования был иным.

В начале 60-х годов в быстро развивающейся столице республики городе Душанбе во многих учебных заведениях разного профиля проходили учебу и стажировку десятки тысячи студентов и молодых специалистов со всех регионов республики. Свои собственные кадры появились у гармских, кулябских и памирских этнических групп.

Новые кадры гармского происхождения успешно внедрились во все структуры экономики и власти Кургантюбинской области. Гармская этническая группа в новой области продолжала поддерживать экономические, культурные и родственные связи с жителями горных районов Каратегинской долины. По-прежнему существовали постоянные миграционные движения населения между этими областями в обоих направлениях.

Каратегинская долина помимо животноводческого хозяйства всегда специализировалась на выращивании овощей и фруктов. Многие сельскохозяйственные рабочие в зимнее время года продавали сельскохозяйственную продукцию на центральных рынках городов республики. Единственный консервный завод в районном центре Гарм не успевал перерабатывать продукцию совхозов Комсомолабадского, Таджикабадского, Тавильдаринского, Гармского и Джиргатальского районов Каратегинской долины. Постепенно формировалась группа лиц, которая по оптовым ценам покупала у совхозов нереализованную продукцию и продавала в розницу на рынках других регионов республики. Для проведения торговых операций использовались различные организации общественного питания и потребитель-

²⁶ Народы Средней Азии и Казахстана. – Т.1. – М., 1962. – С.102-104.

²⁷ Хамиджанова М.А. Некоторые архаические погребальные обряды таджиков // Памяти А.А.Семенова. – Душанбе, 1980. – С. – 226.

ской кооперации. Постепенно создавались условия для возникновения в регионе теневой экономики.

Климатические условия Кургантюбинской области позволяли получать урожай овощных культур в два раза больший, чем урожай хлопка. Сухой и жаркий климат этой области, при наличии развитой оросительной системы, позволял получить также хороший урожай некоторых субтропических фруктов, таких как лимоны, гранаты, айва, инжир и т.д. Хороший урожай овощей и фруктов можно было получить и на небольших приусадебных участках. На нужды семьи использовалось лишь около 30% урожая. Остальное нужно было реализовать на рынке. В условиях полной занятости на колхозных хлопковых полях в течение всего года времени для торговли на рынке не оставалось. Поэтому для реализации излишков продукции приглашались сезонные рабочие из числа знакомых и родственников в Каратегинской долине. Таким образом, на территории Кургантюбинской области постепенно формировались нескольких групп торговцев, которые в дальнейшем создали экономическую базу гармского этно-регионального клана. Гармским торговцам в начале 60-х годов удалось поставить под свой контроль почти все центральные рынки республики. Небольшая ходжентская группа торговцев, специализирующаяся на торговле сухофруктами, не составляла особую конкуренцию торговцам гармским. В начале 70-х годов в республике гармские торговцы создавали торгово-закупочные организации, которые занимались вывозом сельскохозяйственной продукции за пределы республики в другие регионы Советского Союза. В качестве транспорта в начале использовались автомобили, затем в конце 70-х железнодорожные вагоны. Очевидно, что оборот средств, вращавшихся в этой сфере, был огромным.

Для проведения успешных операций гармские торговцы изначально вынуждены были подкупать государственных чиновников на местах. Но в 70-е годы в любой структуре государственной власти за хорошие деньги можно было купить рабочее место или назначить свое доверенное лицо. Таким образом, в 70-х годах представители гармской этно-региональной группы постепенно захватили все ключевые посты в системе государственной власти Каратегинской долины и Кургантюбинской области. С начала 80-х годов мощный гармский этно-региональный клан постепенно накопил силы, средства и опыт для дальнейшей борьбы за центральную власть в республике.

Кулябский этно-региональный клан формировался в совершенно иных условиях. Кулябская область на протяжении всего советского периода истории республики была самой бедной и экономически неразвитой ее частью. Основной причиной была нехватка воды во многих

районах области. В годы советской власти оросительные системы удалось построить лишь в трех южных районах области. Это были Советский, Московский и Пархарский районы, которые специализировались на выращивании хлопка. Горный рельеф местности не позволял использовать верхнее течение реки Пяндж для орошения остальных районов области. В результате огромные полупустынные площади Дангаринского района использовались неэффективно. Урожай зерновых культур на этих площадях всегда были низкими. В ходе принудительной миграции в начале 50-х годов многие горные жители были выселены из Ховалингского и Дангаринского районов в новые Московский и Пархарский районы области. Из-за нехватки воды приусадебные хозяйства также развивались плохо. Таким образом, предпосылок для возникновения теневой экономики не было. Область всегда была дотационной. Показатель уровня безработицы в области все советские годы был самым высоким по республике. Отсюда и высокий уровень преступности среди местного населения, особенно молодежи.

В 60-е и 70-е годы во все основные структуры государственной власти области постепенно внедрились местные кулябские кадры. Поначалу они в большей степени внедрялись в правоохранительные органы области, а затем и республики. Из-за высокого уровня преступности в регионе в местные правоохранительные органы постепенно проникали и криминальные элементы. В горных селениях региона мужские клубы в летнее время года использовались как тренажерные залы, где преступные элементы занимались спортом и проводили основное свободное время. В дальнейшем эти небольшие мобильные группы участвовали в различных криминальных конфликтах во многих регионах республики. В будущем в ходе гражданской войны в Таджикистане, став членами Народного фронта, они сыграли решающую роль в разгроме боевиков «исламистко-демократического блока». Сам председатель НФ Сангак Сафаров, который погиб при неясных обстоятельствах в конце марта 1993 года в возрасте 65 лет, был бывшим криминальным авторитетом и долгое время находился в заключении²⁸. Таким образом, кулябский этно-региональный клан включал в себя в основном представителей правоохранительных, криминальных и полу криминальных структур.

Памирские таджики со времен глубокой древности живут на территории Бадахшана. Памирские языки (их несколько) относятся к древней ветви восточных иранских языков. Со времен походов Александра Македонского чужеземцы не заглядывали в эту гор-

²⁸ Кузьмин А.И. Таджикистан. Причины и уроки гражданской войны// Постсоветская Центральная Азия. Потери и обретения М., 1998. – С.215-271.

ную страну. В условиях горной местности исторически сложились 6 основных групп памирских таджиков, компактно проживающих на отдельных территориях, граничащих друг с другом. Этническая интеграция этих групп шла очень медленно, и многие культурные различия между ними сохранились по сей день. В историко-этнографическом плане памирские таджики очень хорошо изучены [Андреев, 1899; 1905; 1953; 1958; Зайцев, 1904; Кисляков, 1939; 1948; Моногарова, 1959; 1975; 1983; Мухиддинов, 1984; 1985; Розенфельд, 1959; 1970; 1974; Снесарев, 1904; Юсуфбекова, 1983 и т.д.]. В годы советской власти языком межгруппового общения стал современный таджикский язык, который сложился на основе диалекта ходжентской этнической группы.

До прихода советской власти памирские таджики жили только за счет натурального хозяйства и были очень бедны. Отгонное скотоводство и мелкое земледелие (террасное земледелие) были основными видами деятельности населения. После завершения строительства основных инфраструктур на южных границах Советского Союза и создания вдоль них Горно-Бадахшанской Автономной Области (ГБАО, с 1925 г.) регион расселения памирских таджиков стал почти на 100% дотационным. Огромное количество военных баз на территории области напрямую финансировалось из Москвы. Прямая экономическая поддержка Москвы все советские годы положительно влияла на уровень жизни населения области.

В 50-е годы жители ГБАО не подверглись принудительной миграции. Возможно, это было связано с решениями правительства СССР в области оборонной политики по укреплению южных границ. Первые переселенцы из ГБАО были в основном будущие студенты, которые прибывали на учебу в центральные города республики. Многие из них после учебы не возвращались обратно. Этническая ассимиляция памирских таджиков в рамках общей внутри таджикской интеграции шла крайне тяжело. Многим памирским таджикам было трудно приспособиться к новой жизни в новых условиях. Для того чтобы сохранить свой язык и культуру, они вынуждены были еще во время учебы создавать общины и землячества. Будучи исмаилитами, по вероисповеданию, они не вступали в брак с представителями других этнических групп. В 60-е и 70-е годы почти во всех городах равнинной части республики постепенно создавались большие и малые общины памирских таджиков. Эти общины поддерживали тесные контакты между собой. Также поддерживались постоянные контакты с ГБАО. Многие памирские кадры делали карьеру, особенно в сфере образования и здравоохранения. Таким образом, в 70-е годы формировался памирский этно-региональный клан. Социальную основу этого

клана, как была отмечено выше, составляла в основном интеллигенция.

Гиссарская долина (Турсунзадевский, Гиссарский, Шахринавский и Ленинский районы), которая граничит с Узбекистаном, в советское время была заселена преимущественно этническими узбеками. Узбекское население в республике не проявляло особой политической активности. В связи с этим предпосылкой для возникновения узбекского этно-регионального клана не было. Прежде всего, этому препятствовала ходжентская группа. Скрытая антиузбекская национальная политика в республике, которая существовала все советские годы, была разработана ведущими учеными ходжентского происхождения. Со своей стороны, таджикские историки идеализировали особенности своего народа, подчеркивая и возвеличивая миролюбие таджиков, которые «ни с кем не воевали, не подвергали никого насилию и жестокости» [Масов, 1995, с.135-157; Масов, 1991; Масов, 2002; Масов, 2003; Негматов, 1992 и т.д.]. Ссылаясь на классических исследователей Центральной Азии, они утверждали, что именно таджики были здесь аборигенами, в то время как узбеки лишь приняли от таджиков образ жизни и культуры²⁹. Причем подчеркивается, что именно термин «таджик» в XIX веке использовался для повседневной идентификации проживающих в Центральной Азии народов³⁰. Целью этой политики было вернуть республике Бухарскую и Самаркандскую области и восстановить границы «Исторического Таджикистана». Тем не менее, в ходе гражданской войны в Таджикистане (1992-1997гг.) группа вооруженных узбеков Гиссарской долины при поддержке силовых структур Узбекистана участвовала в боевых действиях против гармских и памирских этно-региональных групп. С момента прихода к власти в республике (1993г.) кулябского этно-регионального клана политическая активность узбекского населения Гиссарской долины постепенно сошла на нет.

Ходжентский этно-региональный клан с начала 60-х годов постепенно сдавал свои позиции во всех государственных структурах власти в горных регионах республики. В 70-е годы во всех регионах республики, за исключением Ленинабадской области и города Душанбе, шла скрытая борьба местной региональной элиты за выдавливание из властных структур представителей ходжентского этно-регионального клана. В начале 80-х годов по всей республике прошли демонстративные акции проверок и чисток партийных кадров под руководством идеологического аппарата коммунистической

²⁹ Шишов А. Таджики [репринт издания 1911]. - Алма-аты, 2006. с.83-84

³⁰ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. - М.: Восточная литература, 2003. с. 267, 273-274

партии республики. В ходе этой внутривнутрипартийной борьбы представителям ходжентской этно-региональной группы удалось вновь поставить свои кадры во всех структурах государственной власти по всей республике. В годы перестройки политическая ситуация изменилась коренным образом в пользу местных региональных элит. К моменту распада Советского Союза ходжентский этно-региональный клан удерживал власть лишь в центральных органах власти республики, в городе Душанбе и в самой Ленинабадской области.

В начале 90-х годов этно-региональные кланы республики открыто вступили в активную борьбу за центральную власть в стране. Поначалу это была, прежде всего, борьба гармцев против ходжентцев. Противоборство первых двух групп и в дальнейшем присоединение к ним двух остальных по формуле гармцы+памирцы и ходжентцы+кулябцы привело к началу гражданской войны в республике в 1992г. (Анализ событий, происходивших во время гражданской войны, выходит за рамки темы данной работы и требует отдельного изучения).

Исследуя проблему клановых отношений в таджикском обществе в ходе небольшого экскурса по истории Таджикистана в XX веке, мы пришли к следующим итоговым выводам:

В процессе формирования союзных республик на территории Центральной Азии решающую роль сыграли не объективные, а субъективные факторы (деятельность большевистских организаций после Октябрьской революции, в ходе гражданской войны и в период экспорта революции в бывшие колонии Российской империи).

При создании союзных республик на территории Центральной Азии, как было отмечено выше, большевиками не были учтены основные этнокультурные и этногеографические факторы, хотя край был достаточно изучен российскими учеными разного профиля в период между присоединением его основной части к Российской империи (1867г.) и Октябрьской революцией.

В результате проведенного большевиками размежевания 1924 г. таджикам досталась лишь небольшая часть территории огромного «Исторического Таджикистана». Исторические центры тысячелетней культуры таджиков – Самарканд и Бухара – и проживавшие в них сотни тысяч таджиков, которые в дальнейшем могли стать ядром обще таджикской интеграции, оказались в Узбекистане. Небольшая Ходжентская область с этой задачей не справилась и за все советские годы не смогла интегрировать вокруг себя (в силу ряд вышеуказанных географических, экономических и культурных причин) остальные группы таджикского народа. Таким образом, именно разобщенность, предпосылки которой заложили большевики в ходе размежевания, стала главной причиной возникновения этнорегиональных кланов в Таджикистане.

Нынешний кулябский этно-региональный клан, который в результате гражданской войны пришел к власти в республике, создает вертикаль власти по старой схеме. В отличие от ходжентского клана советского образца кулябскому клану пока еще удается в условиях жесткого авторитарного режима удерживать власть на большей части территории республики.

Библиография:

1. Абашин С. Национализмы в Средней Азии: истоки и особенности//Свободная мысль. 2007. №7. - С.138-149.
2. Андреев М.С. Вахие. Туркестанские ведомости, 1899.-№93.-С.590.
3. Андреев М.С. Краткие сведения об этнографической экспедиции, предпринятой летом 1924 года к горным таджикам Матчи, Каратегина, Гиссарского края и Ягноба. - ИТОРГО. - Ташкент,1924.-Т.17.-С.217-218.
4. Андреев М.С.Краткий отчет по экспедиции в Таджикистан в 1925 году, посланной Обществом для изучения Таджикистана и Среднеазиатским комитетом по охране памятников природы, старины и искусства» По Таджикистану», вып.1.-Ташкент,1927.-26 с., вкл. илл.
5. Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Изд. АН Тадж. ССР, Сталирабад,1953.-Вып.1.-250 с.
6. Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Изд. АН Тадж. ССР,1958.-Вып.2.-521 с.
7. Андреев М.С. Материалы по этнографии Ягноба. - Душанбе: Дониш,1970.-191 с. текста и 30 с. илл.
8. Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане 1874-1889. С.-Петербург,1889.-666 с.
9. Бартольд В.В. Таджики. Исторический очерк.-Соч., Т.2,Ч.1.М.1963, с.2.
10. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.-Соч., Т.1.М.,1963, с.281-285.
11. Бобринский А.А. Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара). - М.,1900.
12. Бобринский А.А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы-ишканимцы). - М.,1908.-150 с.
13. Брискин А. Страна таджиков. - М.:Л.,1930.-74с.
14. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. - М.: Восточная литература, 2003.
15. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. - М., Наука,1972.-664 с.

16. Гинзбург В.В. Горные таджики. - М.; Л., 1937.//Тр./Ин-т археологии и антропологии. - Т.16.-475 с.
17. Давидович Е.А. Нумизматические материалы для истории развития феодальных отношений в Средней Азии при Саманидах. - Тр. АН Тадж. ССР, Т.27, Сталинабад, 1954, с.78-79.
18. Давыдов А.С. Жилище//Материальная культура таджиков Верховьев Зеравшана. - Душанбе: Дониш,1973.-С.73-138.
19. Уршов Н.Н. Пища//Таджики Каратегина и Дарваза. - Душанбе: Дониш,1970.-Вып.2-С.258-272.
20. Ершов Н.Н. Каратаг и его ремесла (Историко-этнографический очерк). - Душанбе: Дониш,1984.-120 с.
21. Ершов Н.Н. Похороны и поминки у таджиков Исфары//Сб. статей по этнографии Таджикистана. - Душанбе: Дониш,1985.-С.48-54.
22. Зайцев В.Н. Религия и обычаи горцев Западного Памира. Туркестанские ведомости. - №89,90,91.-1904.
23. Зарубин И.И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартаंगा. - №1.-1917.
24. Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории Южного Таджикистана и Узбекистана. - М.,1976. - 322 с.
25. Карлов В.В. Введение в этнографию народов СССР: (стадиальные закономерности и локально-исторические особенности этнокультурных процессов). 1920-1980 гг. Ч.2. Учебное пособие. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. - 174 с.
26. Кисляков Н.А.. Следы первобытного коммунизма в Вахио-Боло. - М.,1939.
27. Кисляков Н.А. Язгулемцы. Изв. Всесоюзного географического общества. - Т.80. - Вып.4. - 1948.
28. Кисляков Н.А. Этнографическое изучение Таджикистана//Тр. АН Тадж. ССР. - 29. - 1951.
29. Кисляков Н.А. Свадебные лицевые занавески таджичек//Сб. Музея антропологии и этнографии. - М.; Л., 1953. - Вып.15.-С.291-316.
30. Кисляков Н.А. Очерки по истории Каратегина. - Сталинабад, 1954. - 223 с.
31. Кисляков Н.А. Семья и брак у таджиков (по материалам конца XIX - начала XX в.).//Тр. Ин-та этнографии АН СССР. - Новая серия. - Т.44. - 269 с. - М.; Л., 1959.
32. Кисляков Н.А. Некоторые материалы к вопросу об этногенезе таджиков//Краткие сообщения Института Этнографии АН СССР. - М., 1960. - Вып.80.
33. Кисляков Н.А. Таджики Каратегина и Дарваза. - Душанбе, 1966. - Ч.1. - С.9-46.
34. Кузьмин А.И. Таджикистан. Причины и уроки гражданской войны// Постсоветская Центральная Азия. Потери и обретения М., 1998. - С.215-271.
35. Липский В.И. Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию в 1896, 1897 и 1899 году. Ч.2, Гиссарская экспедиция, 1896. - С. - Петербург, Типо-литография «Герольда», 1902.
36. Логофет Д.Н. Кулябское бекство//Туркестанские ведомости, №111, 1905.
37. Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары (очерки Средней Азии). - С. - Петербург, 1913.
38. Маев Н.А. Очерки Бухарского ханства, Гиссарского края и горных бекств: Материалы для статистики Туркестанского края. - Т.5. - СПб., 1879.
39. Масов Р. История топорного разделения. - Душанбе: Ирфон, 1991.
40. Масов Р. «Наследие» мангытской власти, или почему академик Масов не согласен с академиком Шукуровым[рукопись]. - Душанбе, 2002.
41. Масов Р. Таджики: вытеснение и ассимиляция. - Душанбе: Ирфон, 2003.
42. Масов Р. Таджики: история с грифом «Совершенно секретно». - Душанбе: Цент издания культурного наследия, 1995.
43. Материалы по районированию Средней Азии. Кн.1: Территория и населения Бухары и Хорезма. - Ч.1. - Ташкент, 1926.
44. Моногарова Л.Ф. Материалы по этнографию язгулемцев//Среднеазиатский этнографический сборник. - Т.2 «Труды ИЭ АН СССР». - Т.17. - М.,1959.
45. Моногарова Л.Ф. Этнический состав и этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Тадж. ССР. Страны и народы Востока. - Вып.16. - М.,1975. - С.174-191.
46. Мухиддинов И. Обычаи и обряды, связанные со строительством у припамирских народностей в XIX - начале XX в. /Этнография Таджикистана. - Душанбе: Дониш, 1985. - С.24-29.
47. Мухиддинов И. Особенности традиционного земледельческого хозяйства припамирских народностей в XIX - XX в. - Душанбе, 1984. - 194 с.
48. Народы Средней Азии и Казахстана. - Т.1. - М.,1962. - С.98-107.
49. Негматов Н. Таджики. Исторический Таджикистан. Современный Таджикистан. -Гиссар, 1992.

50. Нурджанов Н.Х. Свадьба //Таджики Каратегина и Дарваза. – Душанбе, 1976. – Вып.3. – С.26-57.
51. Пещерева Е.М. Поездка к горным таджикам: Краткие сообщения Института этнографии им. Миклухо-Маклая. – М.; Л., 1947. – С.42-48.
52. Пещерева Е.М. Ягнобские этнографические материалы. - Душанбе, 1976. – 97 с.
53. Писарчик А.К. Кулябская этнографическая экспедиция.1948.Изв. ТФАН. - №15. – Сталинабад, 1949.
54. Писарчик А.К. Жилище //Таджики Каратегина и Дарваза. – Вып.2. – Душанбе, 1970. – С.19-115.
55. Писарчик А.К.Смерть. Похороны //Таджики Каратегина и Дарваза. – Вып.3. – Душанбе,1976. – С.118-164.
56. Поляков С.П. Народы Центральной Азии //Этнология (учебник для ВУЗ под ред. Г.Е. Маркова и В.В. Пименова). – М., Наука, 1994. – С.346-360.
57. Пославский Ю.И. Экономический очерк Таджикистана//Таджикистан (Сборник статей). – Ташкент, 1925.
58. Рахимов М. Некоторые результаты работ во время Гармской этнографической экспедиции 1954 г.//Изв. АН ТАДЖ. ССР. - №10-11. – Сталинабад, 1956.
59. Рахимов М. Некоторые результаты работ во время Гармской этнографической экспедиции 1954 г.// Изв. АН Тадж. ССР - №10 – 11. – Сталинабад, 1956
60. Рахимов М. Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу. – Сталинабад, 1957 г.
61. Рахимов М. Пережитки древних верований в современном быту таджиков Каратегина и Дарваза. Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии.- М., Л., 1959.
62. Рахимов М. Заравшанская этнографическая экспедиция 1958 – 1961 гг. Изв. АН Тадж. ССР, №1(32). – Душанбе, 1963. – С. 62 – 64.
63. Розенфельд А.З. О некоторых пережитках древних верований у припамирских народов. // СЭ. – 1959. - №4
64. Розенфельд А.З. Свадебный фольклор припамирских таджиков // Фольклор и этнография. – Л., 1970.
65. Розенфельд А.З. «Говораи ноз» - древний погребальный обряд на Вандже (Тадж ССР). И траурные рубои // Фольклор и этнография. – Л., 1974. – 251 – 259
66. Семенов А.А. Этнографические очерки Заравшанских гор, Каратегина и Дарваза. – М.,1903. – 123с.
67. Снесарев А.Е. Религия и обычаи горцев Западного Памира //Туркестанские ведомости. – 1904. - №91.
68. Троицкая А.Л. Некоторые старинные обычаи, обряды и поверья таджикской долины Верховья Зеравшана // Среднеазиатский этнограф. сб. / Тр. Ин – та этнографии им. Миклухо-Маклая. – Т. ХСУП. – Л.,1971. – С. 224 – 255.
69. Хамиджанова М.А. Некоторые архаические погребальные обряды таджиков // Памяти А.А.Семенова. – Душанбе, 1980. – С. – 287 – 293.
70. Хорошхин А. Сб. статей, касающихся до Туркестанского края. – СПб, 1876. – С. 503 – 504.
71. Чвырь Л.А. Три «чилла» у таджиков // Этнография Таджикистана. – Душанбе, 1985. – С. 69 – 79.
72. Широкова З.А. Традиционная и современная одежда женщин Горного Таджикистана. – Душанбе, 1976, С. 204.
73. Шишов А. Таджики[репринт издания 1911]. - Алма-аты, 2006.
74. Юсуфбекова З. Поминки при жизни в Шугнана // Полевые исследования Ин – та этнографии, 1983. – М., 1987. – С. 182 – 190.

References (transliteration):

1. Abashin S. Nacionalizmy v Srednej Azii: istoki i osobennosti//Svobodnaja mysl'. 2007. №7. - S.138-149.
2. Andreev M.S. Vahie. Turkestanskije vedomosti, 1899.-№93.-S.590.
3. Andreev M.S. Kratkie svedenija ob jetnograficheskoj jekspedicii, predprinjatoj letom 1924 goda k gornym tadjhikam Matchi, Karategina, Gissarskogo kraja i Jagnoba. - ITORGO. - Tashkent,1924.-T.17-S.217-218.
4. Andreev M.S.Kratkij otchet po jekspedicii v Tadjhikistan v 1925 godu, poslannoju Obwestvom dlja izuchenija Tadjhikistana i Sredneaziatskim komitetom po ohrane pamjatnikov prirody, stariny i iskusstva» Po Tadjhikistanu», vyp.1.-Tashkent,1927.-26 s., vkl. ill.
5. Andreev M.S. Tadjhiki doliny Huf. Izd. AN Tadjh. SSR, Stalirabad,1953.-Vyp.1.-250 s.
6. Andreev M.S. Tadjhiki doliny Huf. Izd. AN Tadjh. SSR,1958.-Vyp.2.-521 s.
7. Andreev M.S. Materialy po jetnografii Jagnoba. - Dushanbe: Donish,1970.-191 s. teksta i 30 s. ill.
8. Arandarenko G.A. Dosugi v Turkestane 1874-1889. S.-Peterburg,1889.-666 s.
9. Bartol'd V.V. Tadjhiki. Istoricheskij ocherk.-Soch., T.2,Ch.1.M.1963, s.2.
10. Bartol'd V.V. Turkestan v jepohu mongol'skogo nashestvija.-Soch., T.1.M.,1963, s.281-285.

11. Bobrinskij A.A. Ornament gornyh tadjhikov Darvaza (Nagornaja Buhara). - M.,1900.
12. Bobrinskij A.A. Gorcy verhov'ev Pjandzha (vahancy-ishkashimcy). - M.,1908.-150 s.
13. Briskin A. Strana tadjhikov. - M.;L.,1930.-74s.
14. Vamberi A. Puteshestvie po Srednej Azii. - M.: Vostochnaja literatura, 2003.
15. Gafurov B.G. Tadjhiki. Drevnejshaja, drevnjaja i srednevekovaja istorija. - M., Nauka,1972.-664 s.
16. Ginzburg V.V. Gornye tadjhiki. - M.; L., 1937.//Tr./In-t arheologii i antropologii. - T.16.-475 s.
17. Davidovich E.A. Numizmaticheskie materialy dlja istorii razvitija feodal'nyh otnoshenij v Srednej Azii pri Samanidah. - Tr. AN Tadjh. SSR, T.27, Stalinabad, 1954, s.78-79.
18. Davydov A.S. Zhiliwe//Material'naja kul'tura tadjhikov Verhov'ev Zeravshana. - Dushanbe: Donish,1973.-S.73-138.
19. Urshov N.N. Piwa//Tadjhiki Karategina i Darvaza. - Dushanbe: Donish,1970.-Vyp.2-S.258-272.
20. Ershov N.N. Karatag i ego remesla (Istoriko-jetnograficheskij ocherk). - Dushanbe: Donish,1984.-120 s.
21. Ershov N.N. Pohorony i pominki u tadjhikov Isfary//Sb. statej po jetnografii Tadjhikistana. - Dushanbe: Donish,1985.-S.48-54.
22. Zajcev V.N. Religija i obychai gorcev Zapadnogo Pamira. Turkestanskije vedomosti. - №89,90,91.-1904.
23. Zarubin I.I. Materialy i zametki po jetnografii gornyh tadjhikov. Dolina Bartanga. - №1.-1917.
24. Karmysheva B.H. Ocherki jetnicheskij istorii Juzhnogo Tadjhikistana i Uzbekistana. - M.,1976. - 322 s.
25. Karlov V.V. Vvedenie v jetnografiju narodov SSSR: (stadial'nye zakonovernosti i lokal'no-istoricheskie osobennosti jetnokul'turnyh processov). 1920-1980 gg. Ch.2. Uchebnoe posobie. - M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1992. - 174 s.
26. Kisljakov N.A.. Sledy pervobytnogo kommunizma v Vahio-Bolo. - M.,1939.
27. Kisljakov N.A. Jazgulemcy. Izv. Vsesojuznogo geograficheskogo obwestva. - T.80. - Vyp.4. - 1948.
28. Kisljakov N.A. Jetnograficheskoe izuchenie Tadjhikistana//Tr. AN Tadjh. SSR. - 29. - 1951.
29. Kisljakov N.A. Svadebnye licevye zaneski tadjhichek//Sb. Muzeja antropologii i jetnografii. - M.; L., 1953. - Vyp.15.-S.291-316.
30. Kisljakov N.A. Ocherki po istorii Karategina. - Stalinabad, 1954. - 223 s.
31. Kisljakov N.A. Sem'ja i brak u tadjhikov (po materialam konca XIX - nachala XX v.)//Tr. In-ta jetnografii AN SSSR. - Novaja serija. - T.44. - 269 s. - M.; L., 1959.
32. Kisljakov N.A. Nekotorye materialy k voprosu ob jetnogeneze Tadjhikov//Kratkie soobwenija Instituta Jetnografii AN SSSR. - M., 1960. - Vyp.80.
33. Kisljakov N.A. Tadjhiki Karategina i Darvaza. - Dushanbe, 1966. - Ch.1. - S.9-46.
34. Kuz'min A.I. Tadjhikistan. Prichiny i uroki grazhdanskoj vojny// Postsovetskaja Central'naja Azija. Poteri i obretenija M., 1998. - S.215-271.
35. Lipskij V.I. Gornaja Buhara. Rezul'taty trehletnih puteshestvij v Srednjuju Aziju v 1896, 1897 i 1899 godu. Ch.2, Gissarskaja jekspedicija, 1896. - S. - Peterburg, Tipo-litografija «Gerol'da», 1902.
36. Logofet D.N. Kuljabskoe bekstvo//Turkestanskije vedomosti, №111, 1905.
37. Logofet D.N. V gorah i na ravninah Buhary (ocherki Srednej Azii). - S. - Peterburg, 1913.
38. Maev N.A. Ocherki Buharskogo hanstva, Gissarskogo kraja i gornyh bekstv: Materialy dlja statistiki Turkestanskogo kraja. - T.5. - SPb., 1879.
39. Masov R. Istorija topornogo razdelenija. - Dushanbe: Irfon, 1991.
40. Masov R. «Nasledie» mangytskoj vlasti, ili pochemu akademik Masov ne soglasen s akademikom Shukurovym[rukopis']. - Dushanbe, 2002.
41. Masov R. Tadjhiki: vytesnenie i assimiljacija. - Dushanbe: Irfon, 2003.
42. Masov R. Tadjhiki: istorija s grifom «Sovershenno sekretno». - Dushanbe: Cent izdanija kul'turnogo nasledija, 1995.
43. Materialy po rajonirovaniju Srednej Azii. Kn.I: Territorija i naselenija Buhary i Horezma. - Ch.1. - Tashkent, 1926.
44. Monogarova L.F. Materialy po jetnografiju jazgulemcev//Sredneazijskij jetnograficheskij sbornik. - T.2 «Trudy IJE AN SSSR». - T.17. - M.,1959.
45. Monogarova L.F. Jetnicheskij sostav i jetnicheskie processy v Gorno-Badahshanskoj avtonomnoj oblasti Tadjh. SSR. Strany i narody Vostoka. - Vyp.16. - M.,1975. - S.174-191.
46. Muhiddinov I. Obychai i obrjady, svjazannye so stroitel'stvom u pripamirskih narodnostej v XIX - nachale XX v. //Jetnografija Tadjhikistana. - Dushanbe: Donish, 1985. - S.24-29.
47. Muhiddinov I. Osobennosti tradicionnogo zemledel'cheskogo hozjajstva pripamirskih narodnostej v XIX - XX v. - Dushanbe, 1984. - 194 s.
48. Narody Srednej Azii i Kazahstana. - T.1. - M.,1962. - S.98-107.

49. Negmatov N. Tadzhihi. Istoricheskiy Tadjhikistan. Sovremennyy Tadjhikistan. -Gissar, 1992.
50. Nurdzhanov N.H. Svad'ba //Tadzhihi Karategina i Darvaza. – Dushanbe, 1976. – Vyp.3. – S.26-57.
51. Pewereva E.M. Poezdka k gornym tadjhikam: Kratkie soobwenija Instituta jetnografii im. Mikluho-Maklaja. – M.; L., 1947. – S.42-48.
52. Pewereva E.M. Jagnobskie jetnograficheskie materialy. - Dushanbe, 1976. – 97 s.
53. Pisarchik A.K. Kuljabskaja jetnograficheskaja jekspedicija.1948.Izv. TFAN. - №15. – Stalinabad, 1949.
54. Pisarchik A.K. Zhiliwe //Tadzhihi Karategina i Darvaza. – Vyp.2. – Dushanbe, 1970. – S.19-115.
55. Pisarchik A.K.Smert'. Pohorony //Tadzhihi Karategina i Darvaza. – Vyp.3. – Dushanbe,1976. – S.118-164.
56. Poljakov S.P. Narody Central'noj Azii //Jetnologija (uchebnik dlja VUZ pod red. G.E. Markova i V.V. Pimenova). – M., Nauka, 1994. – S.346-360.
57. Poslavskij Ju.I. Jekonomicheskij ocherk Tadjhikistana//Tadjhikistan (Sbornik statej). – Tashkent, 1925.
58. Rahimov M. Nekotorye rezul'taty rabot vo vremja Garmskoj jetnograficheskoy jekspedicii 1954 g.//Izv. AN TADZh. SSR. - №10-11. – Stalinabad, 1956.
59. Rahimov M. Nekotorye rezul'taty rabot vo vremja Garmskoj jetnograficheskoy jekspedicii 1954 g.// Izv. AN Tadjh. SSR - №10 – 11. – Stalinabad, 1956
60. Rahimov M. Zemledelie tadjhikov bassejna r. Hingou. – Stalinabad, 1957 g.
61. Rahimov M. Perezhitki drevnih verovanij v sovremennom bytu tadjhikov Karategina i Darvaza. Materialy vtorogo sovevanija arheologov i jetnografov Srednej Azii.- M., L., 1959.
62. Rahimov M. Zaravshanskaja jetnograficheskaja jekspedicija 1958 – 1961 gg. Izv. AN Tadjh. SSR, №1(32). – Dushanbe, 1963. – S. 62 – 64.
63. Rozenfel'd A.Z. O nekotoryh perezhitkah drevnih verovanij u pripamirskih narodov. // SJe. – 1959. - №4
64. Rozenfel'd A.Z. Svadebnyj fol'klor pripamirskih tadjhikov // Fol'klor i jetnografija. – L., 1970.
65. Rozenfel'd A.Z. «Govorai noz» - drevnij pogrebal'nyj obrjad na Vandzhe (Tadjh SSR). I traurnye ruboi // Fol'klor i jetnografija. – L., 1974. – 251 – 259
66. Semenov A.A. Jetnograficheskie ocherki Zaravshanskih gor, Karategina i Darvaza. – M.,1903. – 123s.
67. Snesarev A.E. Religija i obychai gorcev Zapadnogo Pamira //Turkestanskije vedomosti. – 1904. - №91.
68. Troickaja A.L. Nekotorye starinnye obychai, obrjady i pover'ja tadjhikskoj doliny Verhov'ja Zeravshana // Sredneaziatskij jetnograf. sb. / Tr. In – ta jetnografii im. Mikluho-Maklaja. – T. HSUP. – L.,1971. – S. 224 – 255.
69. Hamidzhanova M.A. Nekotorye arhaicheskie pogrebal'nye obrjady tadjhikov // Pamjati A.A.Semenova. – Dushanbe, 1980. – S. – 287 – 293.
70. Horoshhin A. Sb. statej, kasajuvihsja do Turkestanskogo kraja. – SPb, 1876. – S. 503 – 504.
71. Chvyr' L.A. Tri «chilla» u tadjhikov // Jetnografija Tadjhikistana. – Dushanbe, 1985. – S. 69 – 79.
72. Shirokova Z.A. Tradicionnaja i sovremennaja odezhda zhenwin Gornogo Tadjhikistana. – Dushanbe, 1976, S. 204.
73. Shishov A. Tadzhihi[reprint izdanija 1911]. - Alma-aty, 2006.
74. Jusufbekova Z. Pominki pri zhizni v Shugnane // Polevye issledovanija In – ta jetnografii, 1983. – M., 1987. – S. 182 – 190.